

Арктика и Север. 2024. № 54. С. 169–189.

Научная статья

УДК 314.15(985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169>

Убывающие города российской Арктики: статистические тренды и публичный дискурс о причинах оттока населения

Недосека Елена Владимировна¹✉, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник

Шарова Екатерина Николаевна², кандидат социологических наук

Шорохов Данил Михайлович³, студент

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического института РАН, ул. 7-ая Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, Россия

^{1,2} Мурманский арктический университет, ул. Егорова, 15, Мурманск, Россия

³ Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Россия

¹ nedelena@socinst.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1944-0367>

² kateshar1@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9042-3570>

³ shdm0023@gmail.com

Аннотация. Целью статьи является определение наиболее значимых причин сокращения численности населения в регионах российской Арктики. Объектом исследования выступило городское население субъектов АЗРФ. В качестве теоретической рамки осмысления проблемы был избран концепт убывающего города, получивший разнообразные трактовки как в зарубежной, так и в отечественной научной мысли. В данной статье под убыванием городов понимается совокупный результат действия экономических и демографических факторов, обуславливающих сокращение численности населения, происходящее в форме естественной убыли и миграционного оттока. На основании данных статистики зафиксирована устойчивая демографическая убыль в городах субъектов АЗРФ. Это позволило подтвердить валидность использования указанного концепта в отношении данных территорий. По материалам отечественных и зарубежных исследований были выделены наиболее общие, системные факторы убывания населения в регионах российской Арктики, такие как: исторический контекст и политика советской индустриализации, специфика локальной (региональной) идентичности жителей северных территорий, общемировые демографические тренды. На эмпирическом уровне проведён более детальный анализ субъективного восприятия причин оттока населения из Мурманской области, отраженного в публичном дискурсе участников онлайн-сообщества города Мурманска в социальной сети «ВКонтакте». Исходная база анализа включала в себя посты и комментарии сообщества за 2021–2022 гг. (всего 23 817 постов и 926 583 комментария), целевая выборка включала в себя 268 постов и 2 621 комментарий. С помощью техник открытого и осевого кодирования были выделены три группы проблем городского развития, обуславливающих отток населения из региона: 1) природно-климатические условия, 2) качество жизни, 3) перспективы развития города. Количественный анализ числа комментариев (под постами) и лайков (под комментариями) позволил определить наиболее значимые и устойчивые проблемы, которые, безусловно, представляют повышенный интерес для представителей муниципальной и региональной власти.

* © Недосека Е.В., Шарова Е.Н., Шорохов Д.М., 2024

Для цитирования: Недосека Е.В., Шарова Е.Н., Шорохов Д.М. Убывающие города российской Арктики: статистические тренды и публичный дискурс о причинах оттока населения // Арктика и Север. 2024. № 54. С. 169–189.

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169>

For citation: Nedoseka E.V., Sharova E.N., Shorokhov D.M. Shrinking Cities of the Russian Arctic: Statistical Trends and Public Discourse on the Causes of Population Outflow. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 54, pp. 169–189.

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Ключевые слова: убывающие города, Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ), Мурманская область, сокращение численности населения, публичный дискурс, онлайн-сообщество

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР «Социальное самочувствие и жизненные стратегии населения арктических территорий России».

Shrinking Cities of the Russian Arctic: Statistical Trends and Public Discourse on the Causes of Population Outflow

Elena V. Nedoseka¹✉, Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher

Ekaterina N. Sharova², Cand. Sci. (Soc.)

Danil M. Shorokhov³, student

¹ Sociological Institute of the RAS, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, ul. 7-ya Krasnoarmeyskaya, 25/14, Saint Petersburg, Russia

^{1,2} Murmansk Arctic University, ul. Egorova, 15, Russia

³ Saint Petersburg State University, Universitetskaya naberezhnaya, 7/9, Saint Petersburg, Russia

¹ nedelena@socinst.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1944-0367>

² kateshar1@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9042-3570>

³ shdm0023@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to determine the most significant causes of population decline in the regions of the Russian Arctic. The object of the study was the urban population of the subjects of the Russian Arctic. The concept of a shrinking city, which has received various interpretations both in foreign and domestic scientific thought, was chosen as a theoretical framework for understanding the problem. In this article, the shrinkage of cities is understood as a cumulative result of economic and demographic factors that cause population decline in the form of natural loss and migration outflow. On the basis of statistical data, a steady demographic decline was recorded in the cities of the subjects of the Russian Arctic. This made it possible to confirm the validity of the use of this concept in relation to these territories. Based on the materials of domestic and foreign studies, the most general, systemic factors of population decline in the regions of the Russian Arctic were identified, such as: the historical context and the policy of Soviet industrialization, the specifics of the local (regional) identity of the inhabitants of the northern territories, global demographic trends. At the empirical level, a more detailed analysis of the subjective perception of the reasons for the outflow of the population from the Murmansk Oblast, reflected in the public discourse of the participants of the online community of the city of Murmansk in the social network VKontakte, was carried out. The initial analysis base included posts and comments of the community for 2021–2022 (a total of 23.817 posts and 926.583 comments), the target sample included 268 posts and 2621 comments. Open and axial coding techniques were used to identify three groups of urban development issues as causes of the outflow of population from the region: 1) natural and climatic conditions, 2) quality of life, 3) prospects for the development of the city. Quantitative analysis of the number of comments (under posts) and likes (under comments) allowed us to identify the most significant and persistent problems, which, of course, are of increased interest to representatives of municipal and regional authorities.

Keywords: *shrinking cities, Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF), Murmansk Oblast, population outflow, public discourse, online community*

Введение

Несмотря на растущий интерес к тематике убывающих городов, необходимо отметить отсутствие как общепринятого определения убывающих (сокращающихся) городов, так и общей теории данного процесса. Попытки определения и концептуализации убывающих городов широко используются в научной литературе, но остаются при этом неоднозначными

[1, Olsen A.]. В зависимости от того, какие аспекты и с какой точки зрения исследуются, термин «убывающий город» может относиться к совершенно разным объектам и проблемам: от экономической конкурентоспособности города в глобальном масштабе до тревожных социальных проблем, таких как маргинализация, сегрегация, преступность и бедность [2, Wu C.T. et al., с. 392].

В научной литературе наиболее распространённым определением убывающего города остается его понимание как муниципальной единицы с минимальным порогом численности населения в 10 000 жителей, которая испытывает убыль населения более двух лет и переживает экономическую трансформацию с некоторыми симптомами структурного кризиса [3, Pallagst K. et al.; 4, Wiechmann T.]. В данном подходе характерной чертой убывающих городов является устойчивая потеря населения, при этом чаще всего в исследовательский фокус попадают демографические проблемы и структурный кризис, с которыми сталкиваются убывающие города [5, Haase A. et al.; 6, Haase A. et al., 7, Bernt M.; 8, Hollander J.B.].

Сокращение численности населения происходит на фоне сохранения границ и городской модели [9, Oswald P., Rieniets T.; 10, Grossmann K. et al.]. Логическим следствием вышеизложенного является изменение требований к городскому пейзажу и инфраструктуре, которые изначально были запланированы для другой численности населения [11, Weaver R., Knight J.]. Структурные кризисы и деиндустриализация часто упоминаются в связи с сокращением городов [8, Hollander J.B.]; однако их возникновение и интенсивность сильно различаются в разных странах и региональных контекстах.

Проблеме убывающих городов в отечественной литературе посвящены исследования Антонова Е.В. и др., акцентирующих внимание на убывании как совокупном действии на локальном уровне экономических и демографических факторов, а также изменениях в системе расселений. Авторы на примере городов республики Коми проанализировали процесс функционирования северных городов в условиях значительного сокращения численности населения [12]. Внимания заслуживают работы исследователей Гунько М.С., Еременко Ю.А., Батуновой Е.Ю., предлагающих количественный критерий при анализе сжимающихся городов со снижением численности населения на 25% и более (с 1989 г.), что соответствует примерно 1% в год [13]. Теоретические подходы к феномену убывающих (сжимающихся) городов и зарубежный опыт управления в условиях сжатия представлены в работах Браде И. и Плисецкого Е.Е. [14; 15]. Необходимо отметить, что в российской научной традиции, также как и в зарубежной, нет единого подхода к определению понятия убывающих городов. В научной литературе чаще всего как синонимичные понятия используются «убывающий», «сжимающийся», «сокращающийся», «депрессивный» и пр.

В данной работе убывание городов рассматривается как совокупный результат действия экономических, демографических факторов, сказавшихся на системе расселения [16, Rink D. et al.]. Индикатором убывания города служит сокращение численности населения (как в результате естественной убыли, так и в результате миграционных процессов).

Однако понятие убывания городов включает в себя не только сокращение численности населения, но и многочисленные последствия, которые проявляются в появлении пустующего жилья, избытке инфраструктуры и экономическом неблагополучии, в целом в повышении дисбаланса между спросом и предложением в различных сферах. Убывание городов имеет последствия практически во всех сферах городской жизни — от муниципальных бюджетов, землепользования и градостроительства, коммунальной и социальной инфраструктуры, рынка жилья и жилищной мобильности, рынка труда и занятости до таких характеристик городских сообществ, как включённость, роль соседских контактов, сплочённость [12, Антонов Е.В. и др.].

Статистические тренды убывания населения в субъектах АЗРФ

Объектом настоящего исследования выступают города Арктической зоны РФ, которые в последние три десятилетия имеют устойчивую тенденцию интенсивной убыли населения (данные представлены в табл. 1).

Таблица 1

Численность постоянного городского населения в субъектах АЗРФ (чел., в среднем за год)

	1990	2000	2010	2020	2022
Республика Карелия	646 667	544 427	502 994	495 941	421 853
Республика Коми	943 979	791 558	695 682	639 397	566 906
Архангельская область	1 159 076	1 032 473	929 011	891 101	784 247
Ненецкий автономный округ (Архангельская область)	33 074	25 554	28 411	32 743	30 785
Архангельская область (кроме Ненецкого автономного округа)				858 358	753 462
Мурманская область	1 088 977	859 691	739 411	679 298	616 034
Ямало-Ненецкий автономный округ (Тюменская область)	395 158	414 249	444 422	458 078	433 540
Красноярский край	2 335 784	2 265 499	2 157 502	2 219 640	2 266 588
Республика Саха (Якутия)	745 317	615 345	615 693	646 889	669 353
Чукотский автономный округ	116 211	39 730	32 868	35 608	33 003

По численности городского населения субъекты Арктической зоны можно разделить на два вида. Первый — это субъекты, полностью входящие в АЗРФ, среди них по численности городского населения лидирует Мурманская область. Второй вид — это субъекты, не полностью входящие в АЗРФ, среди них больше всего городского населения проживает в Красноярском крае, меньше всего в Ненецком автономном округе.

Рис. 1. Динамика численности городского населения субъектов АЗРФ (2020 г. к 1990 г., в %).

За 30 лет наибольшие потери численности населения понесли города Чукотского автономного округа (-71,6%) и Мурманской области (-43,4%). Прирост наблюдается только в Ямало-Ненецком автономном округе (9,7%) (см. рис. 1).

Коэффициент естественного прироста неуклонно снижался и достиг в 2020 г. отрицательного значения (см. табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент естественного прироста населения по субъектам АЗРФ (на 1 000 чел.)¹

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Арктическая зона Российской Федерации	3,9	3,1	2,2	1,5	0,7	-1,0	-3,6
Республика Карелия	...	...	-10,7	-13,0	-12,5	-15,2	-14,7
Республика Коми	3,6	0,9	1,3	0,6	-1,1	-2,5	-4,5
Архангельская область	0,3	-0,5	-1,3	-2,3	-3,3	-5,5	-9,0
Ненецкий авт. округ	8,4	9,6	6,6	5,1	4,7	3,4	0,4
Мурманская область	0,3	-0,3	-0,8	-1,5	-2,4	-4,7	-7,6
Ямало-Ненецкий авт. округ	11,3	10,1	9,1	8,7	7,9	6,9	6,3
Красноярский край	8,3	7,3	6,6	6,3	6,0	5,0	3,4
Республика Саха (Якутия)	6,0	7,0	5,2	4,5	3,3	2,8	0,8
Чукотский авт. округ	4,1	3,6	3,7	1,6	1,4	0,4	-0,7
Справочно: Российская Федерация	0,3	-0,01	-0,9	-1,6	-2,2	-4,8	-7,1

¹ Коэффициент естественного прироста населения по Арктической зоне Российской Федерации на 1000 человек населения // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok_84_2022.xlsx (дата обращения: 02.04.2023).

В 2021 г. естественная убыль в субъектах АЗРФ составила — 3,6 промилле, что в целом значительно ниже общероссийского уровня (-7,1). Среди субъектов АЗРФ наибольшие потери в результате естественной убыли населения понесли Республика Карелия (-14,7), Архангельская область (-9,0), Мурманская область (-7,6). В этих субъектах значение коэффициента превышает общероссийский уровень. Наиболее благоприятная ситуация отмечается в Ямало-Ненецком автономном округе, где на протяжении 2015–2021 гг. сохраняется естественный прирост, при этом значение коэффициента также неуклонно снижается (с 11,3 в 2015 г. до 6,3 в 2021 г.).

Коэффициент миграционного прироста характеризуется обратным трендом (см. таблицу 3). На протяжении 2015–2021 гг. отмечается снижение миграционной убыли — от -9,6 в 2015 г. до -1,0 в 2021 г. Несмотря на это, миграционная ситуация в субъектах АЗРФ остаётся достаточно сложной. Для сравнения: общероссийский коэффициент миграционного прироста имеет положительное значение и составил 2,9 промилле².

Таблица 3

*Коэффициент миграционного прироста населения по субъектам АЗРФ
(на 1 000 человек среднегодового населения)³*

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
<i>Арктическая зона Российской Федерации</i>	-9,6	-5,9	-6,0	-5,1	-3,8	-3,0	-1,0
Республика Карелия	...	...	-15,5	-15,4	-13,8	-1,7	-3,0
Республика Коми	-22,0	-18,0	-36,3	-34,3	-20,9	-3,4	-5,4
Архангельская область	-3,3	-3,1	-4,7	-3,7	-0,7	-0,6	0,03
Архангельская область (без Ненецкого авт. округа)	-3,6	-2,8	-4,7	-3,4	-0,9	-0,8	-0,2
Ненецкий авт. округ	2,3	-7,3	-5,3	-8,9	1,8	2,9	3,1
Мурманская область	-5,7	-5,7	-4,6	-5,9	-6,5	-6,0	-3,9
Ямало-Ненецкий авт. округ	-22,3	-6,5	-4,5	-3,2	-2,4	-2,0	3,0
Красноярский край	-6,8	-8,8	-3,3	-2,1	-3,9	-1,7	-0,4
Республика Саха (Якутия)	-9,3	-3,8	-13,0	-5,4	-3,4	-0,6	-10,8
Чукотский автономный округ	-11,7	-10,3	-13,2	4,8	11,1	-15,2	11,1

Среди субъектов АЗРФ наибольшие потери в результате миграционной убыли населения понесли Республика Саха (Якутия) (-10,8), Республика Коми (-5,4), Мурманская область (-3,9) и Республика Карелия (-3,0). В этих субъектах значение коэффициента превышает

² Щербакова Е. Миграция в России, предварительные итоги 2021 года // Демоскоп. № 937-938. 22 марта – 4 апреля 2022. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0937/barom04.php> (дата обращения: 02.04.2023).

³ Коэффициенты миграционного прироста населения по Арктической зоне Российской Федерации на 1000 человек среднегодового населения. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok_85_2022.xlsx (дата обращения: 02.04.2023).

средний уровень по субъектам АЗРФ. Наиболее благоприятная ситуация отмечается в Чукотском автономном округе (11,1), при этом на протяжении 2015–2021 гг. здесь отмечается крайне нестабильная ситуация (например, в 2020 г. значение было отрицательным и составило -15,2 промилле).

Факторы убывания населения в субъектах АЗРФ

При анализе причин убывания исследуемой территории необходимо уделить внимание факторам, оказывающим влияние на данный процесс.

Во-первых, стоит указать на исторический контекст возникновения арктических городов. Большая часть поселений, которые относятся к АЗРФ, возникли как результат политики советской индустриализации, направленной на ресурсное освоение отдалённых территорий и рассредоточение промышленного потенциала Советского государства [17, Меерович М.Г.]. Первый этап хронологически приходится на конец 1920–40-х гг., когда происходит появление и развитие на Севере преимущественно малых промышленных городов (моногородов), связанных с добычей угля, металлургией и лесной промышленностью. Массовое заселение территорий Крайнего Севера напрямую было связано с репрессивным характером советской политики. На строительство поселений и ресурсные производства доставляли спецконтингент, состоявший из заключённых, в том числе политических и спецпереселенцев, которые были депортированы из различных районов по социальным (например, раскулаченные) или этническим (представители Кавказа, немцы, корейцы и пр.) причинам. К концу 1930-х гг. на всей территории Европейского Севера сформировалась целая поселенческая сеть, состоявшая из многих десятков спецпосёлков и исправительно-трудовых лагерей.

Второй этап — 1950-е гг., на эти годы приходится появление крупных инфраструктурных центров, связанных с работой портов и крупных железнодорожных узлов, например, Магадан, Норильск, Инта и пр. [18, Averkieva K., Efremova V.]. Начиная с середины 1950-х гг. характер заселения кардинально изменился: в первую очередь это было связано с объявлением всеобщей амнистии в 1954 г. и добровольным характером переселения вольнонаёмных специалистов, преимущественно приезжающих на север по материальным соображениям из-за льгот, которые подразумевали полярные надбавки, доступное жильё, длительный отпуск и «северную» пенсию. Поскольку города предвосхищали миграционный приток, они в среднем были обеспечены лучшей инфраструктурой и более качественным жильём.

Социально-экономическая реструктуризация, начавшаяся в 90-е гг. XX в., привела к закрытию или приватизации градообразующих предприятий, что напрямую сказалось на сокращении занятости, снижении заработной платы, а в совокупности с сокращением дотаций и дороговизной проживания оказало влияние на интенсивный отток населения из северных городов. Таким образом, искусственно созданные северные города, как результат расселенческой политики советского государства, оказались не готовы встроиться в новую капитали-

стическую реальность, следствием которой стала «стрессовая миграция» [18, Averkieva K., Efremova V.].

Второй фактор убывающих городов Арктической зоны связан с тем, что на их территориях не возникло укорененного принимающего сообщества с устойчивой локальной идентичностью. Временщический характер заселения лишь усугублял размывание локальной идентичности нессеверных северян [19, Разумова И.А.; 20, Бурцева А.В., Шарова Е.Н., Оман С.; 21, Матвеева Э.Г., Петров Н.В., Петрова Н.С.]. Стратегия жизни в данных городах заключалась в зарабатывании денег и возвращении или переезде в более южные регионы по выходу на пенсию [22, Разумова И.А.].

Несмотря на важность экономической реструктуризации в возникновении и формировании убывающих городов, не следует недооценивать и демографические структуры и естественное изменение численности населения [23, Wolff M.; 4, Wiechmann T.]. Третий фактор причин убывания касается тенденции, начавшейся в конце 80-х гг. XX в. и связанной со снижением рождаемости и интенсивным старением населения [24, Kashnitsky I. et al.; 25, Vattupova E., Perussa G.]. Данная тенденция является общемировой и определяется как демографический переход [26, Lesthaeghe and Van de Kaa D.]. Демографическая структура арктических городов отражает данную тенденцию в полном объеме. Более того, миграционная убыль касается экономически активного населения, что усиливает преобладание старших возрастных групп в возрастной структуре арктических городов.

Рис. 2. Доля постоянного населения старше трудоспособного возраста в динамике за 2012–2022 гг. (на 1 января), в %⁴.

Доля постоянного населения старше трудоспособного возраста увеличилась в среднем на 2,8% и составила 19,8% (см. рис. 2). Сравнительно больше эта доля представлена в Республике Карелия (25,8%), Архангельской области (25,4%), напротив, менее — в Ямало-Ненецком автономном округе (12,0%) и Чукотском автономном округе (14,4%).

⁴ Структура численности постоянного населения на начало года (на 1 января) по полу и возрастным группам // ЭМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43219> (дата обращения: 02.04.2023).

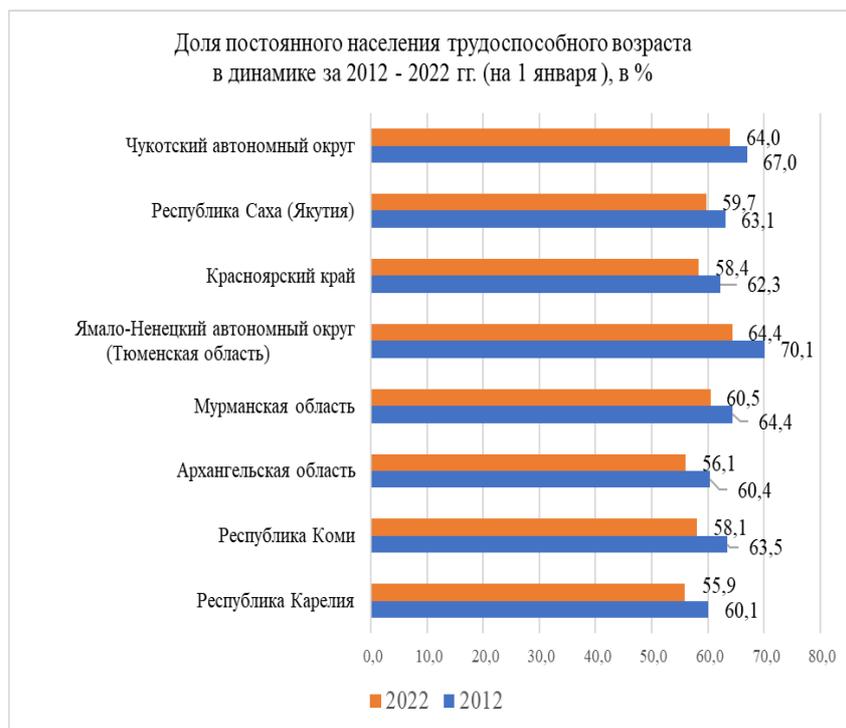

Рис. 3. Доля постоянного населения трудоспособного возраста в динамике за 2012–2022 гг. (на 1 января), в %⁵.

Доля постоянного населения трудоспособного возраста уменьшилась в среднем на 4,2% и составила 59,6% (см. рис. 3). Сравнительно больше эта доля представлена в Ямало-Ненецком автономном округе (64,4%) и Чукотском автономном округе (64,0%), напротив, менее — в Республике Карелия (55,9%), Архангельской области (56,1%).

Процесс депопуляции, который происходит в большинстве арктических городов, сопряжён с такими социально-экономическими последствиями, как падение инвестиционной привлекательности, сокращение рынка труда, рост безработицы, вымывание человеческого капитала, сокращение местных бюджетов, в том числе налоговых отчислений в бюджеты, усиление проблем в развитии городской инфраструктуры (например, рост аварийного и ветхого жилья, износ коммунальной инфраструктуры, дорожного фонда, ухудшение криминогенной ситуации и пр.) [15, Плисецкий Е.Е.].

На сегодняшний день демографические потери составляют важную часть управленческой повестки практически во всех арктических регионах. Вместе с тем противодействие депопуляции является единственно возможной стратегией на всех уровнях управления [27, Vatinova E., Gunko M.]. Например, в Мурманской области действует стратегический план «На Севере жить!», одной из целей которого является удержание населения в регионе. С точки зрения градостроительства и управления городской средой, муниципальные власти проявляют гораздо больше внимания незначительным проектам по градостроительству и благоустройству, которые требуют скромного финансирования и приносят немедленную политическую выгоду [28, Zupan D., Gunko M.], в отличие от комплексных проектов обновления для

⁵ Структура численности постоянного населения на начало года (на 1 января) по полу и возрастным группам // ЭМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43219> (дата обращения: 02.04.2023).

сокращающихся городов, которые страдают от недофинансирования, кадрового дефицита и ухудшения инфраструктуры.

В эмпирической части исследования мы акцентировали внимание на субъективном восприятии горожанами основных городских проблем, оказывающих влияние на их миграционные настроения. Объектом эмпирического исследования был выбран город Мурманск, один из самых интенсивно теряющих население городов Арктической зоны РФ. Мурманск — административный центр Мурманской области, полностью входящей в Арктическую зону РФ. Дата основания города приходится на 1916 г., но его интенсивное развитие начинается в послевоенные годы. Экономическая специализация города напрямую связана с особенностями его географического положения, что определяло его судьбу как город-порт, город-форпост. На сегодняшний день традиционные для Мурманска отрасли — рыболовство, рыбопереработка, морской транспорт, судоремонт — переживают кризисные последствия переходного периода экономики начала 90-хх гг. XX в. Социальная сфера и инфраструктура города характеризуются серьёзными проблемами и являются объектами повышенного управленческого внимания. Динамика численности населения города характеризуется продолжительным отрицательным сальдо (см. рис. 4).

Рис. 4. Численность населения города Мурманска по результатам переписи населения 2002 г., 2010 г., 2021 г. (тыс. чел.)⁶.

По итогам переписи 2020 г., численность постоянного населения города Мурманска на 1 октября 2021 г. составила 270,4 тыс. чел., уменьшилась на 12% по отношению к 2010 г. и на 20% по отношению к 2002 г.

Характеристика эмпирической базы исследования

Методология анализа субъективного восприятия жителей основана на выявлении проблемных концептуализаций состояния городской жизни, отражённых в публичном дис-

⁶ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 // Росстат. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13> (дата обращения: 02.04.2023); Итоги Всероссийской переписи населения 2010 // Мурманскстат. URL: <https://murmanskstat.gks.ru/storage/mediabank/13.doc> (дата обращения: 02.04.2023); Итоги Всероссийской переписи населения 2020 (на 1 октября 2021 года) // Мурманскстат. URL: [https://murmanskstat.gks.ru/storage/mediabank/1.4\(6\).xlsx](https://murmanskstat.gks.ru/storage/mediabank/1.4(6).xlsx) (дата обращения: 02.04.2023).

курсе онлайн-коммуникации. Под публичным дискурсом в данном исследовании понимается совокупность рефлексивных знаний и реакций индивидов о каких-либо явлениях и фактах, выносимых на широкое (в том числе массовое) обсуждение [29, Ключев Ю.В., с. 336–337]. Количественные и качественные дискурсивные характеристики обсуждаемых проблем имеют значение с точки зрения теории дискурсивного анализа. Например, теория дискурсивного анализа Т.А. Ван Дейка [27; 30] связывает воспроизводство текстов, когнитивную способность индивидов и их социальное окружение. Субъективное восприятие проблем городского развития проявляются в дискурсе сообществ через интерпретации, оценки, описания личного опыта, которые жители репрезентируют в процессе обсуждений. Они могут рассматриваться как качественные характеристики субъективного образа города и опыта проживания в нём, так как отражают характерные для сообщества установки, предпочтения, фобии в адрес города и городского / регионального управления, а также отражают локальный язык, который сформирован сообществом для описания окружающего контекста. В данной работе на эмпирическом материале цифрового городского сообщества мы продемонстрируем формирование в публичном дискурсе качественных характеристик городского развития с фокусировкой на субъективном восприятии горожанами «болевых точек», влияющих или объясняющих миграционные настроения и намерения. Количество и интенсивность упоминаний различных проблем, длительность их обсуждений, поддержка конкретных сообщений количеством «лайков» могут также рассматриваться как количественные характеристики дискурса о проблемах городского развития [31, Ненько А.Е., Недосека Е.В.].

В качестве эмпирического материала в данной статье рассматриваются текстовые сообщения, отражающие публичный дискурс онлайн-сообщества города Мурманска, активно действующего на момент написания статьи. В процессе отбора онлайн-сообщества для анализа были рассмотрены группы в социальной сети «ВКонтакте». Критериями отбора сообщества послужили следующие:

- городское сообщество, тематически посвящённое городу Мурманску, его истории, проблемам и событиям;
- высокая популярность сообщества в информационном поле (определяется методом поискового запроса в поисковом агрегаторе ВКонтакте);
- постоянная высокая интенсивность коммуникации внутри сообщества (не менее 2-х двух постов в день за последний год);
- обсуждение проблем города на стене сообщества;
- история существования сообщества (не менее 5 лет);
- позиционирование сообщества именно как локального (городского) [31, Ненько А.Е., Недосека Е.В.].

Так, поисковый запрос по ключевому слову «Мурманск» в социальной сети ВКонтакте выдаёт 22 495 сообществ, содержащих в названии данное слово. Группа «Мурманск», обра-

зованная в 2008 г., насчитывает 384,2 тыс. подписчиков, что относит это сообщество к самому популярному среди других сообществ в представленной социальной сети (см. табл. 4).

Таблица 4

Рейтинг сообществ, посвящённых городу Мурманску, в социальной сети ВКонтакте

Название группы	Тип сообщества	Количество подписчиков, тыс. чел. ⁷
Мурманск	Городское сообщество	384,2
Подслушано Мурманск ПВМ №1	Городское сообщество	121,6
Мурманск	Интернет-СМИ	102,6
Мурманск — столица Арктики	Интернет-СМИ	93,2
Подслушано Мурманск	Городское сообщество	83,1
Мурманск	Городское сообщество	50,5

Пользователей с активными аккаунтами (не заблокированными и не удалёнными) — 82,7% от общего числа подписчиков. Пользователей с доступной информацией о возрасте — 37% от общего числа пользователей и 44,8% от активных пользователей. Наиболее многочисленные категории пользователей — 31–40 лет (31,9%), 21–30 лет (21,8%) и 41–50 лет (17,2%). Практически все пользователи сообщества идентифицированы по полу (свыше 99%), из них 47% — мужчины, 53% — женщины.

Сбор данных обсуждений в онлайн-сообществе был произведён автоматизировано с использованием языка программирования Python 3.8.10. Собираемые данные включали текстовые записи — посты и комментарии — на «стене» сообщества. В результате парсинга в базу данных были выгружены записи за 2021–2022 гг.: общая совокупность постов — 23 817 единиц, общая совокупность комментариев — 926 583 единиц.

Далее посты были отсортированы по убыванию числа комментариев, и был определён минимальный порог их «популярности» в 100 комментариев. В результате были отображены 268 постов, составивших целевую выборку для более углубленного анализа с помощью техники открытого кодирования с наименованием тем обсуждения. Это в свою очередь позволило выделить основные субдискурсы, касающиеся главных проблем города, выступающих в качестве субъективно воспринимаемых причин оттока населения.

В ходе работы были выделены посты, которые тематически посвящены сбору мнений мурманчан о причинах переезда, направлениях переезда и в целом призывающих подписчиков высказаться по данному вопросу (19 постов).

Мурманчане, как думаете, почему всё больше и больше людей покидают наш город?	06.04.2021	1 170	https://vk.com/wall-5608669_7406441
Мурманская область в ближайшем будущем может стать вахтовым регионом	24.08.2022	721	https://vk.com/wall-5608669_8611329
За пять лет население Мурманска уменьшится почти на 18 тысяч человек — к 2025 году произойдёт заметная убыль населения	25.10.2022	566	https://vk.com/wall-5608669_8702801
Из Мурманска массово переезжают пенсио-	17.11.2021	545	https://vk.com/wall-

⁷ По состоянию на 11.05.2023.

неры			5608669_7946414
Мурманск — город несбывшихся ожиданий	19.10.2021	545	https://vk.com/wall-5608669_7851446
Вы согласны с мнением из тик-тока, что Мурманск умирающий город?	26.09.2021	407	https://vk.com/wall-5608669_7788519
Почему многие уезжают из Мурманска?	06.11.2021	402	https://vk.com/wall-5608669_7907050
«Уехать нельзя остаться»: каждый ставит запятую, где считает нужным!	07.01.2022	361	https://vk.com/wall-5608669_8085909
Мурманск по численности населения откатился к 1967 году	18.07.2022	334	https://vk.com/wall-5608669_8558853
«Уехать нельзя остаться»: каждый ставит запятую, где считает нужным!	04.12.2021	333	https://vk.com/wall-5608669_7996893
Чаще всего люди покидают маленький город, чтобы мечтать туда вернуться. А другие остаются, чтобы мечтать оттуда уехать.	28.11.2022	289	https://vk.com/wall-5608669_8140792
Куда чаще всего переезжают мурманчане?	15.04.2022	286	https://vk.com/wall-5608669_8355188
В Карелии — жить, а из Мурманска — уезжать?	20.08.2022	223	https://vk.com/wall-5608669_8605185
Известный блогер Илья Варламов составил рейтинг вымирающих городов России. В него также вошёл Мурманск.	24.04.2021	212	https://vk.com/wall-5608669_7460818
Кольский край продолжает пустеть — население Заполярья с начала года сократилось на 1,8 тысячи человек.	11.05.2022	192	https://vk.com/wall-5608669_8416896
«Мы — не Москва и Питер. И это нормально»: в Мурманске не строят жилья	25.10.2021	159	https://vk.com/wall-5608669_7868689
В Мурманске смертность превысила рождаемость в два с лишним раза	18.02.2022	159	https://vk.com/wall-5608669_8196067
Мурманск — «тающий» город?	21.02.2022	149	https://vk.com/wall-5608669_8209469
Мурманчане, согласны с тем, кто Мурманск — вымирающий город?	05.10.2021	125	https://vk.com/wall-5608669_7814518

Из выделенных постов были выгружены комментарии в общем количестве 7 178 единиц, которые сначала были отсортированы и отобраны по количеству лайков (не менее 50 лайков) как индикаторов поддержки участников сообщества (всего 4 454 единицы). Далее из этого массива комментариев были исключены неинформативные и нерелевантные целям исследования суждения (в том числе предлоги, междометия, знаки пунктуации, различные символы и пр.). Итоговый массив комментариев составил 2 621 единицу и был подвергнут осевому кодированию в соответствии с категориями, ранее выделенными в ходе открытого кодирования постов.

В работе с постами и комментариями мы опирались на методы кодирования (открытого и осевого), предложенные представителями «обоснованной теории» с применением общей схемы проведения исследования Н. Пиджина и К. Хенвуда [32]. Так, анализ постов с помощью техники открытого кодирования позволил категориально определить перечень дебатруемых тем, а анализ комментариев посредством осевого кодирования проводился

уже на базе имеющейся системы категорий в направлении распределения комментариев по категориям. Для иллюстрации доминантных мнений нами отбирались самые поддерживаемые лайками комментарии подписчиков.

В результате обработки комментариев были выявлены причины оттока населения, наиболее активно обсуждаемые сообществом горожан.

Наибольшей интенсивностью обладает субдискурс о привлекательности жизни в городе с суровыми климатическими условиями (категория «Климатические условия»). Климат — амбивалентная характеристика в дискурсе горожан. Так, отмечается красота и уникальность северной природы, что выражается в частных постах фотографий города в различные сезоны, сопровождающиеся положительными комментариями и признаниями в любви. Вместе с тем при анализе причин убывания климат, в совокупности с социально-экономическими условиями жизни в регионе, выступает сопутствующим фактором оттока. Жизнь в суровых климатических условиях, по мнению участников сообщества, должна поощряться и поддерживаться со стороны государства. Значительную поддержку лайками имеют комментарии, отсылающие к советскому периоду существования города, когда полярные надбавки стимулировали мотивацию либо к переезду на север, либо к удержанию населения в северных городах.

«Если при Союзе сюда ехали за полярками, то какой смысл сейчас тут гнить!? З/п как в средней полосе, все цены и жкх в 2 раза выше, плюс 9 месяцев зимы и практически полное отсутствие лета! Чего ради это всё терпеть?!» (434 лайка)

«Раньше на север ехали чтобы заработать, а теперь-то "зарплатки" меньше, чем у москвичей... и чего тогда тут теперь ловить?» (99 лайков)

В следующий субдискурсивный блок, обозначенный как «Качество жизни», вошли взаимосвязанные между собой и самые обсуждаемые сообществом темы: «низкие зарплаты», «высокие тарифы услуг ЖКХ», «высокие цены на жилье, продукты, отдых», «доступность социальной инфраструктуры».

«Все тяжелее и тяжелее стало тут жить! Я люблю свой край, но так стало тяжело! Выживают нас! Коммуналкой дорогой, зарплатой смешной! Действительно хочется уехать! Больно за свою малую Родину!» (214 лайков)

«... жилье снимать неоправданно дорого тысяч 15 в месяц, цены на продукты некоторые товары дороже чем в Москве, рыба дорогая мясо тоже, фрукты и овощи вообще дорогие и работы нормальной мало, а если и есть, то всё занято давно, вообще в Мурманске жить слишком дорого...» (99 лайков)

Одной из неблагоприятных тенденций для северных регионов в целом является уравнивание зарплат с регионами, не располагающимися за полярным кругом. Некогда главная причина миграции на север — полярные надбавки — постепенно теряет своё преимущество.

«В Мурманске всё дорого, кроме зарплаты» (469 лайков)

«Позор, а не зарплата для севера!» (208 лайков)

Необходимо отметить, что состояние социальной инфраструктуры, в частности возможности получения качественной медицинской помощи и образования, сопровождаются комментариями, касающимися качества жизни, как ключевые индикаторы ухудшения условий жизни в городе. Состояние сферы медицинского обслуживания — одна из самых животрепещущих тем сообщества. Нехватка врачей специализации, невозможность вовремя и качественно получить медицинскую помощь, уровень медицинского обслуживания — самые остро воспринимаемые темы. Необходимо отметить, что время написания комментариев пришлось на период пандемии Covid-19, которая в целом оказалась сложным периодом и серьёзной нагрузкой на систему российского здравоохранения.

«Так правильно, что делать в Мурманске? Коммуналка огромная медицины нет работы нет цены адские условий для жизни нет если только для спивания и в Мурмаши и все я тоже уехал в 15 году и не желею никапли» (175 лайков)

«работы нормальной нет цены на коммуналку огромные медицины нет полно бичей собак мусора цены на продукты дикие смысл жить в таком городе?» (50 лайков)

Стоимость жилья в городе — одна из самых обсуждаемых и остро воспринимаемых тем. Подавляющее большинство высказываний можно обозначить как «возмущение» и «непонимание» сложившейся ситуации. Цены на жильё воспринимаются жителями необоснованно завышенными; в сочетании с интенсивной убылью населения, природно-климатическими условиями и уровнем жизни жители не видят смысла в покупке жилья. В комментариях преобладает мнение о нецелесообразности покупки жилья в условиях отсутствия разницы стоимости в других регионах.

«Для кого строить? Население сокращается, те, кто могут купить недвижимость в новом доме, покупают её в других городах» (252 лайка)

«...Откуда в Мурманске такие цены на квартиры? Откуда?...» (154 лайка)

Интенсивность обсуждения отличает тематический блок, связанный со стоимостью коммунальных услуг. Оплата услуг жилищно-коммунального хозяйства воспринимаются как завышенная и очень дорогая.

«Так правильно что делать в Мурманске? коммуналка огромная..» (172 лайка)

«...зарплаты на севере меньше, чем в средней полосе, где хоть климат нормальный и коммуналка дешевле в два раза. Вопрос, смысл тут сидеть?... Одной красотой севера сыт не будешь. Лучше сюда в гости приезжать, коли за хибинами и снегами взгрустнется...» (142 лайка)

Следующий субдискурсивный блок, выявленный по степени интенсивности обсуждений, обозначен как «Перспективы развития города» и касается реализации инвестиционных проектов на территории региона и городского благоустройства. Запуск крупнейших инвестиционных региональных проектов, предполагающих экономическое развитие региона и его административного центра, при всей кажущейся привлекательности и масштабности носит противоречивый характер, что находит своё отражение в комментариях жителей. Строи-

тельство морского порта «Лавна» (крупнейшая портовая концессия) и «Арктик СПГ 2» (добыча и производство сжиженного природного газа) привлекает большое количество мигрантов и вахтовиков, не мотивированных к интеграции в местное сообщество и укоренению. По мнению подписчиков группы «Мурманск», в кадровой политике компаний, реализующих инвестиционные проекты, ставка делается на вахтовых сотрудников из других регионов / стран. При анализе постов сообщества обращает на себя внимание высокая активность подписчиков под постами, касающихся мигрантов и вахтовиков. При среднем количестве комментариев за два года под одним постом в 52, среднее количество комментариев под постами, которые касаются отношения к мигрантам и вахтовикам, привлекаемым к работам в инвестиционных проектах, — 450. Доминирующим мнением является то, что привлечение сторонней рабочей силы создаёт нагрузку на рынок труда и недвижимости в городе, что стало причиной роста цен на жилье в целом.

«Отрицательное!» (примечание: речь идёт об отношении к мигрантам) Дайте работу своим землякам» (967 лайков)

«Раньше было пофиг, когда их было мало. Сейчас стало реально напрягать и раздражать... Понабрали, лишь бы экономить и не платить полярки местным.» (438 лайков)

«Не все же живут в общежитии или гостиницах, для них арендуют квартиры, из-за этого поднимается цена, и для обычных людей, снять квартиру в пределах допустимого, примерно до 20 тысяч, уже не реально.» (147 лайков)

Вместе с тем необходимо отметить, что встречаются мнения о неготовности самих жителей работать на предлагаемых вакансиях:

«Устраивайтесь работать на их позицию, только вас не устроит ни уровень зарплат, ни условия, в которых они работают» (101 лайк)

Следующей темой в рамках субдискурса «Перспективах развития города», которая отличается насыщенностью оценок и комментариев, является утрата промышленного потенциала города, связанного с его рыбопромышленной специализацией и портовой инфраструктурой. Кризисные явления, связанные с экономической реструктуризацией начала 90-х гг. прошлого столетия, привели ведущие городские отрасли промышленности в упадок. Данное обстоятельство болезненно воспринимается населением и фигурирует в комментариях как причины бесперспективности и умирания города.

«Да он умер когда все флоты разворовали, когда развалили производства и оставили без работы тысячи человек. Когда полярки превратились в одно название. А сейчас Мурманск — это не город, а гнездо чинушек и обслуживающих их таксистов и продавцов. Если бы у оставшихся была возможность уехать, то давно уже это был бы город — призрак». (297 лайков)

«Такое ощущение, что все это делается специально, видимо власти не нужен большой город Мурманск, сократят до минимальных цифр населения, для обслуживания

торгового порта и небольшой городской инфраструктуры и все. А то что это город-герой, город труженник и когда то был город рыбный, никого не волнует...». (189 лайков)

Таким образом, анализ субъективного восприятия подписчиками группы «Мурманск» причин оттока населения позволил обнаружить три ключевых субдискурса, отличающихся интенсивностью обсуждений и максимальной поддержкой комментариев со стороны участников сообщества. Так, в субдискурсе «Климатические условия» климат фигурирует как фактор выталкивания, но при тщательном анализе становится очевидным второстепенность данного фактора. Субдискурс «Качество жизни» вобрал в себя такие самые обсуждаемые темы, как: «низкие зарплаты», «высокие тарифы услуг ЖКХ», «высокие цены на жилье, продукты, отдых», «доступность социальной инфраструктуры». Проблематизация данных тем участниками группы носит преимущественно критический характер, содержательно раскрывающий субъективное понимание и оценки причин интенсивной убыли городского населения. Важно отметить, что оценки качества жизни скорее исходят из восприятия личного опыта повседневности, акцентируя внимание на проблемах так называемого микроуровня, с которыми лично сталкиваются подписчики на регулярной основе, в быту.

Кроме того, выявлен субдискурс «Перспективы развития города», который касается стратегических условий существования города, его производственной профильности и промышленного потенциала. Отношение и оценка подписчиков сводятся к болезненному восприятию потери былого значения рыбного хозяйства и портовой инфраструктуры города. Новые инвестиционные проекты, декларируемые муниципальной и региональной властью как проекты развития региона в целом, содержательно вскрыли темы, которые, с нашей точки зрения, обнажают болевые точки, требующие внимательного отношения со стороны агентов влияния на общественное мнение. Высокий уровень нетерпимости и преобладание агрессивно настроенных комментаторов по отношению к группам мигрантов и вахтовиков связаны с повышенным уровнем нагрузки, которую эти внешние группы оказали на рынок труда и недвижимости, по сути, выступив дополнительным фактором выталкивания в субъективном восприятии подписчиков.

Заключение

Специфика убывающих городов во многом определена историей развития городов Арктической зоны РФ в XX в. Появление новых поселений городского типа в неблагоприятных климатических и экологических условиях посредством различных форм принудительной миграции привели к формированию специфических городских сообществ, для которых характерно слабо укоренённое население с условной мотивацией к проживанию в экстремальных условиях. Изменившиеся приоритеты и возможности российского государства после краха государственного социализма привели к быстрому миграционному оттоку из многих городов Севера и Дальнего Востока. Усиленные «стрессовые» миграции [19, Averkieva K.,

Efremova V.] происходили на фоне серьёзных демографических кризисов со снижением рождаемости и всё более высокой смертностью.

Отрицательное миграционное и естественное сальдо при анализе потерь городского населения в Арктической зоне РФ является логическим следствием политики экономической реструктуризации промышленного сектора арктических субъектов. При этом характер сокращающихся городов у населённых пунктов с разной численностью населения требуют учёта различных пороговых критериев. Как отмечают исследователи Аверкиева К.В. и Ефремова В.А., высокая относительная убыль населения в малых городах может иметь «мягкие» последствия для городской экономики, застроенной среды и инфраструктуры. Напротив, в крупных городах относительные изменения численности менее выражены, но высокие абсолютные значения убыли населения приводят к ярко выраженным негативным эффектам. Принимая во внимание специфику крупных городов (многоквартирный жилой фонд, централизованные коммунальные услуги и инфраструктура), даже небольшое относительное сокращение численности населения должно быть тщательно исследовано и учтено при разработке политики и планировании [19, Averkieva K., Efremova V.].

Вместе с тем субъективное восприятие жителей содержит в себе существенную информацию относительно социального самочувствия людей, проживающих свою повседневность в условиях интенсивной убыли. Анализ публичного дискурса участников онлайн-сообщества позволил определить так называемые «болевы точки», наиболее дебатлируемые также и в приватной сфере. Оценка количественных показателей дискурса — число комментариев (для постов) и лайков (для комментариев) — свидетельствует о сформированности и устойчивости в сознании широких слоёв населения основной повестки проблем городского развития, требующей внимания со стороны представителей муниципальной и региональной власти.

Список источников

1. Olsen A. Shrinking Cities: Fuzzy Concept or Useful Framework // Berkeley Planning Journal. 2013. Vol. 26. No. 1. Pp. 107–132. DOI: <https://doi.org/10.5070/BP326115821>
2. Wu C.T., Gunko M., Strykiewicz T., Zhou K. Postsocialist Shrinking Cities. London: Taylor & Francis, 2022. 392 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780367815011>
3. Pallagst K., Mulligan H., Cunningham-Sabot E., Fol S. The Shrinking City Awakens: Perceptions and Strategies on the Way to Revitalisation? // Town Planning Review. 2017. Vol. 88. No. 1. Pp. 9–13. DOI: <https://doi.org/10.3828/tpr.2017.1>
4. Wiechmann T. Errors Expected—Aligning Urban Strategy with Demographic Uncertainty in Shrinking Cities // International Planning Studies. 2008. Vol. 13. Iss. 4. Pp. 431–446. DOI: <https://doi.org/10.1080/13563470802519097>
5. Haase A., Rink D., Grossmann K. et al. Conceptualizing urban shrinkage // Environment and Planning A: Economy and Space. 2014. Vol. 46. No. 7. Pp. 1519–1534. DOI: <https://doi.org/10.1068/a46269>
6. Haase A., Bernt M., Grossmann K. et al. Varieties of shrinkage in European cities // European Urban and Regional Studies. 2016. Vol. 23. Iss. 1. Pp. 86–102. DOI: <https://doi.org/10.1177/0969776413481985>

7. Bernt M. The Limits of Shrinkage: Conceptual Pitfalls and Alternatives in the Discussion of Urban Population Loss // *International Journal of Urban and Regional Research*. 20156. Vol. 40. Iss. 2. Pp. 441–450. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12289>
8. Hollander J.B. *A Research Agenda for Shrinking Cities*. New York: Edward Elgar Publishing, 2018. 160 p. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781785366338.00011>
9. Oswalt P., Rieniets T. *Atlas of Shrinking Cities*. Ostfildern: Hatje Cantz Publishers, 2006. 160 p.
10. Grossmann K., Bontje M., Haase A., Mykhnenko V. Shrinking Cities: Notes for the further research agenda // *Cities*. 2013. Vol. 35. Pp. 221–225. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2013.07.007>
11. Weaver R., Knight J. Can Shrinking Cities Demolish Vacancy? An Empirical Evaluation of a Demolition-First Approach to Vacancy Management in Buffalo, NY, USA // *Urban Science*. 2018. Vol. 2. No. 3. P. 69. DOI: <https://doi.org/10.3390/urbansci2030069>
12. Антонов Е.В., Денисов Е.А., Ефремова В.А., Фаддеев А.М. Современные проблемы развития убывающих городов на северо-востоке Республики Коми // *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. 2014. № 2. С. 55–61.
13. Гунько М.С., Еременко Ю.А., Батунова Е.Ю. Стратегии планирования в условиях городского сжатия в России: исследование малых и средних городов // *Мир России*. 2020. Т. 29. № 3. С. 121–141. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-121-141>
14. Браде И., Слепухина И.Л. От городского "сжатия" к процветанию, на примере постиндустриального обновления г. Лейпциг // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2014. № 4 (9). С. 49–58.
15. Плисецкий Е.Е. Управленческие и организационные механизмы пространственного развития убывающих городов // *Управленческие науки*. 2019. № 9 (2). С. 34–49. DOI: <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2019-9-2-34-49>
16. Rink D., Haase A., Bernt M. Specification of working model. In: *Shrink Smart Res. Workpage*. Leipzig: Helmholtz Centre for Environmental Research — UFZ, 2009. No. 1. 43 p.
17. Меерович М.Г. Советские моногорода: история возникновения и специфика // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2018. № 1 (73). С. 53–65. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-1-53-65>
18. Averkieva K., Efremova V. Concepts and causes of urban population loss in the post-Soviet period. In: *Postsocialist Shrinking Cities*. Ch. 10. Urban shrinkage in Russia / Ed. By C.-T. Wu, M. Gunko, T. Strykiewicz, K. Zhou. London: Routledge. 2022. Pp. 147–159. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780367815011-13>
19. Разумова И.А. «Свобода» как один из ключевых определителей Севера // *Живущие на Севере: опыт и прогнозы: сб. статей*. Мурманск: Мурманский гос. пед. ун-т, 2008. С. 5–12.
20. Бурцева А.В., Шарова Е.Н., Оман С. Жизнестойкость городов Кольского севера в пространственном, временном и антропологическом измерениях // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2020. № 3 (50). С. 191–200. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-17>
21. Матвеева Э.Г., Петров Н.В., Петрова Н.С. *Город в историях людей — Мурманск: Избранные тексты и методические рекомендации по сбору интервью*. Москва: Неолит, 2021. 208 с.
22. Разумова И.А. *Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. Социально-антропологические очерки*. Санкт-Петербург: ГАМАС, 2009. 160 с.
23. Wolff M., Fol S., Roth H., Cunningham-Sabot E. Shrinking Cities, villes en décroissance: une mesure du phénomène en France // *Cybergeo: European Journal of Geography*. 2013. 26 p. DOI: <https://doi.org/10.4000/cybergeo.26136>
24. Kashnitsky I., De Beer J., Van Wissen L. Economic Convergence in Ageing Europe // *Journal of Economic and Human Geography*. 2020. Vol. 111. Iss. 1. Pp. 28–44. DOI: <https://doi.org/10.1111/tesg.12357>
25. Batunova E., Perucca G. Population Shrinkage and Economic Growth in Russian Regions 1998–2012 // *Regional Science Policy and Practice*. 2020. Vol. 12. Iss. 4. Pp. 595–609. DOI: <https://doi.org/10.1111/rsp3.12262>
26. Lesthaeghe R., van de Kaa D. Twee Demografische Transitities? In: *Bevolking Groei en Krimp*. Deventer: Van Loghum Slaterus. 1986. Vol. 61. Pp. 9–24.
27. Batunova E., Gunko M. Urban Shrinkage: An unspoken challenge of spatial planning in Russian small and medium-sized cities // *European Planning Studies*. 2018. Vol. 26. Iss. 8. Pp. 1580–1597. DOI: <https://doi.org/10.1080/09654313.2018.1484891>

28. Zupan D., Gunko M. The Comfortable City Model: Researching Russian Urban Planning and Design Through Policy Mobilities // *Urban Studies and Practices*. 2019. Vol. 4. No. 3. Pp. 7–22. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp4320197-22>
29. Ключев Ю.В. Уровни, модели, элементы публичного дискурса: коммуникативный подход // *Вестник СПбГУ. Серия 9: Язык и литература*. 2008. № 4 (2). С. 331–338.
30. van Dijk T.A. *Some Aspects of Text Grammars: A Study in Theoretical Linguistics and Poetics*. Hague: Mouton&Co Publishers. 1972. 377 p.
31. Ненько А.Е., Недосека Е.В. Ценности городской среды в дискурсе соседских онлайн-сообществ // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022. Т. 25. № 1. С. 217–251. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.8>
32. Pidgeon N., Henwood K. *Using grounded theory in psychological research*. In: *Doing qualitative analysis in psychology*. East Sussex: Psychology Press. 1997. 29 p.

References

1. Olsen A. Shrinking Cities: Fuzzy Concept or Useful Framework. *Berkeley Planning Journal*, 2013, vol. 26, no. 1, pp. 107–132. DOI: <https://doi.org/10.5070/BP326115821>
2. Wu C.T., Gunko M., Strykiewicz T., Zhou K. *Postsocialist Shrinking Cities*. London, Taylor & Francis, 2022, 392 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780367815011>
3. Pallagst K., Mulligan H., Cunningham-Sabot E., Fol S. The Shrinking City Awakens: Perceptions and Strategies on the Way to Revitalisation? *Town Planning Review*, 2017, vol. 88, no. 1, pp. 9–13. DOI: <https://doi.org/10.3828/tpr.2017.1>
4. Wiechmann T. Errors Expected—Aligning Urban Strategy with Demographic Uncertainty in Shrinking Cities. *International Planning Studies*, 2008, vol. 13, iss. 4, pp. 431–446. DOI: <https://doi.org/10.1080/13563470802519097>
5. Haase A., Rink D., Grossmann K., Bernt M., Mykhnenko V. Conceptualizing Urban Shrinkage. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 2014, vol. 46, no. 7, pp. 1519–1534. DOI: <https://doi.org/10.1068/a46269>
6. Haase A., Bernt M., Grossmann K. et al. Varieties of Shrinkage in European Cities. *European Urban and Regional Studies*, 2016, vol. 23, iss. 1, pp. 86–102. DOI: <https://doi.org/10.1177/0969776413481985>
7. Bernt M. The Limits of Shrinkage: Conceptual Pitfalls and Alternatives in the Discussion of Urban Population Loss. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2016, vol. 40, iss. 2, pp. 441–450. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12289>
8. Hollander J.B. *A Research Agenda for Shrinking Cities*. New York, Edward Elgar Publishing, 2018, 160 p. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781785366338.00011>
9. Oswalt P., Rieniets T. *Atlas of Shrinking Cities*. Ostfildern, Hatje Cantz Publishers, 2006, 160 p.
10. Grossmann K., Bontje M., Haase A., Mykhnenko V. Shrinking Cities: Notes for the Further Research Agenda. *Cities*, 2013, vol. 35, pp. 221–225. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2013.07.007>
11. Weaver R., Knight J. Can Shrinking Cities Demolish Vacancy? An Empirical Evaluation of a Demolition-First Approach to Vacancy Management in Buffalo, NY, USA. *Urban Science*, 2018, vol. 2, no. 3, p. 69. DOI: <https://doi.org/10.3390/urbansci2030069>
12. Antonov E.V., Denisov E.A., Efremova V.A., Faddeev A.M. Actual Problems of Urban Shrinkage Development in the North-West of the Komi Republic. *Lomonosov Geography Journal. Series 5: Geography*, 2014, no. 2, pp. 55–61.
13. Gunko M., Eremenko Yu., Batunova E. Planning Strategies in the Context of Urban Shrinkage in Russia: Evidence from Small and Medium-Sized Cities. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2020, vol. 29, no. 3, pp. 121–141. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-3-121-141>
14. Brade I., Slepukhina I. From Shrinking to Booming City, the Case of Leipzig Post-Industrial Urban Regeneration. *Municipality: Economics and Management*, 2014, no. 4 (9), pp. 49–58.
15. Plisetskii E.E. Administrative and Organizational Mechanisms for the Spatial Development of Shrinking Cities. *Management Sciences*, 2019, no. 9 (2), pp. 34–49. DOI: <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2019-9-2-34-49>

16. Rink D., Haase A., Bernt M. *Specification of Working Model*. Leipzig, Helmholtz Centre for Environmental Research — UFZ, 2009, no. 1, 43 p.
17. Meerovich M.G. Soviet Monoprofile Cities: The Story Behind and Key Features. *The Bulletin of Kemerovo State University*, 2018, no. 1 (73), pp. 53–65. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-1-53-65>
18. Averkieva K., Efremova V. Concepts and Causes of Urban Population Loss in the Post-Soviet Period. In: *Postsocialist Shrinking Cities*. Ch. 10. Urban Shrinkage in Russia. Ed. by C.-T. Wu, M. Gunko, T. Stryjakiewicz, K. Zhou. London: Routledge. 2022. Pp. 147–159. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780367815011-13>
19. Razumova I.A. «Svoboda» kak odin iz klyuchevykh opredeliteley Severa [“Freedom” as One of the Key Determinants of the North]. In: *Zhivushchie na Severe: opyt i prognozy: sbornik statey* [Living in the North: Experience and Forecasts: Collection of Articles]. Murmansk, Murmansk State Pedagogical University, 2008, pp. 5–12.
20. Burtseva A.V., Sharova E.N., Hohmann S. Resilience of the Kola North Cities in Spatial, Temporal and Anthropological Dimensions. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2020, no. 3 (50), pp. 191–200. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-50-3-17>
21. Matveeva E.G., Petrov N.V., Petrova N.S. *Gorod v Istoriyakh Lyudey — Murmansk: Izbrannye teksty i metodicheskie rekomendatsii po sboru interv'yu* [City in People's Stories — Murmansk: Selected Texts and Methodological Recommendations for Collecting Interviews]. Moscow, Neolit Publ., 2021, 208 p. (In Russ.)
22. Razumova I.A. *Kul'turnye landshafty Kol'skogo Severa: goroda u «Bol'shoy vody» i Khibin. Sotsial'no-antropologicheskie ocherki* [Cultural Landscapes of the Kola North: Cities Near the “Big Water” and Khibiny. Social and Anthropological Essays]. Saint Petersburg, GAMAS Publ., 2009, 160 p. (In Russ.)
23. Wolff M., Fol S., Roth H., Cunningham-Sabot E. Shrinking Cities, villes en décroissance: une mesure du phénomène en France. *Cybergeo: European Journal of Geography*, 2013, 26 p. DOI: <https://doi.org/10.4000/cybergeo.26136>
24. Kashnitsky I., De Beer J., Van Wissen L. Economic Convergence in Ageing Europe. *Journal of Economic and Human Geography*, 2020, vol. 111, iss. 1, pp. 28–44. DOI: <https://doi.org/10.1111/tesg.12357>
25. Batunova E., Perucca G. Population Shrinkage and Economic Growth in Russian Regions 1998–2012. *Regional Science Policy and Practice*, 2020, vol. 12, iss. 4, pp. 595–609. DOI: <https://doi.org/10.1111/rsp3.12262>
26. Lesthaeghe R., van de Kaa D. Twee Demografische Transitieën? In: *Bevolking Groei en Krimp. Deventer: Van Loghum Slaterus*, 1986, vol. 61, pp. 9–24.
27. Batunova E., Gunko M. Urban Shrinkage: An Unspoken Challenge of Spatial Planning in Russian Small and Medium-Sized Cities. *European Planning Studies*, 2018, vol. 26, iss. 8, pp. 1580–1597. DOI: <https://doi.org/10.1080/09654313.2018.1484891>
28. Zupan D., Gunko M. The Comfortable City Model: Researching Russian Urban Planning and Design Through Policy Mobilities. *Urban Studies and Practices*, 2019, vol. 4, no. 3, pp. 7–22. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp4320197-22>
29. Klyuyev Ju.V. Levels, Models, Elements of the Public Discourse: The Communicative Approach. *Vestnik SPbGU. Seriya 9: Yazyk i literatura* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9: Language and Literature], 2008, no. 4 (2), pp. 331–338.
30. van Dijk T.A. *Some Aspects of Text Grammars: A Study in Theoretical Linguistics and Poetics*. Hague, Mouton&Co Publishers, 1972, 377 p.
31. Nenko A., Nedoseka E. Urban Environment Values in Discourse of Online Neighbouring Communities. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2022, vol. 25, no. 1, pp. 217–251. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.8>
32. Pidgeon N., Henwood K. Using Grounded Theory in Psychological Research. In: *Doing Qualitative Analysis in Psychology*. East Sussex, Psychology Press, 1997, 29 p.

Статья поступила в редакцию 17.05.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023;
принята к публикации 22.05.2023

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов